

ФИЛОЛОГИЯ

Авторы: С. С. Аверинцев

ФИЛОЛОГИЯ (от *фило...* и *...логия*), содружество гуманитарных дисциплин – *языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии* и др., – изучающих духовную культуру человека через языковой и стилистич. анализ письменных *текстов*. Текст во всей совокупности своих внутр. аспектов и внешних связей – исходная реальность Ф. Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный «комментарий» (наиболее древняя форма и классич. прототип филологич. труда), Ф. под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Т. о., внутр. структура Ф. дуполярна: на одном полюсе – скромнейшая служба «при тексте», не допускающая отхода от его конкретности, на другом – универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее.

Служа самопознанию культуры, Ф. возникает на сравнительно зрелой стадии письм. цивилизаций, и наличие её показательно не только для их уровня, но и типа. Высокоразвитые древние культуры Ближнего Востока вовсе не знали Ф., зап.-европ. Средневековье отводило ей весьма скромное место, между тем на родине *философии*, в древних Индии и Греции, Ф. возникла и разрабатывалась как некое соответствие впервые оформившейся здесь гносеологич. рефлексии над мышлением – как рефлексия над *словом* и *речью*, как выход из непосредств. отношения к ним. Несмотря на позднейшие конфликты между филос. волей к абстракции и конкретностью Ф. (напр., нападки филологов-гуманистов на ср.-век. *схоластику* или уничижительный отзыв Г. В. Ф. *Гегеля* о Ф.), первоначальное двуединство философии и Ф. не было случайным, и высшие подъёмы Ф. обычно следовали за великими эпохами гносеологич. мысли (в эллинистич. мире – после *Аристотеля*, в Европе 17 в. – после Р. *Декарта*, в Германии 19 в. – после И. *Канта*).

Инд. Ф. дала великих грамматистов – [Панини](#) (приблизительно 5–4 вв. до н. э.), [Патанджали](#) (2 в. до н. э.) и, позднее, теоретиков стиля. Свою филологич. традицию имела культура Древнего Китая [Лю Се (5–6 вв.) и др.]. Однако традиция европ. Ф., не знакомой с достижениями индийцев вплоть до Нового и Новейшего времени, всецело восходит к греч. истокам, у её начала стоит школьное комментирование [Гомера](#). В софистич. эпоху (2-я пол. 5 – 1-я пол. 4 вв. до н. э.; см. [Софизм](#)) лит-ра достаточно обособилась от внелитературной реальности, чтобы стать объектом теоретич. [поэтики](#) и Ф. Среди софистов наибольшие заслуги в подготовке филологич. методов принадлежат [Протагору](#), [Горгию](#), Продику; греч. теория лит-ры достигла зрелости в «Поэтике» Аристотеля; эллинистич. Ф. (3–1 вв. до н. э.) отделилась от философии и перешла в руки специалистов – библиотекарей Александрии и Пергама (см. [Александрийская библиотека](#), [Пергамская библиотека](#)), которые занимались установлением корректных текстов и комментированием. [Дионисий Фракиец](#) (ок. 170–90 до н. э.) окончательно оформил учение о [частях речи](#), принятое и поныне. Раннехристианские учёные [[Ориген](#), [Иероним Блаженный](#) (создатель лат. перевода Библии)] произвели текстологич. работу над подлинником и греч. переводами Библии. Традиции греч. Ф. были продолжены в ср.-век. Византии, в целом сохраняя античный облик (текстология и комментирование классиков); после падения империи (1453) ренессансная Италия получила наследие визант. Ф. из рук учёных-беженцев. Гуманисты [Возрождения](#) стремились не просто овладеть мыслительным содержанием авторитетных античных источников, но как бы переселиться в мир древних, заговорить на их языке [реконструировав его в борьбе с инерцией ср.-век. латыни (см. [Латинский язык](#))].

После периода учёного профессионализма (приблизительно сер. 16 – сер. 18 вв.) в Германии началась новая эпоха Ф. в результате импульса, данного «неогуманизмом» И. И. [Винкельмана](#). Как во времена Возрождения, но с несравненно большей науч. строгостью был поставлен вопрос о целостном образе античного мира. Нем. филолог Ф. А. [Вольф](#) ввёл термин «Ф.» как имя науки об античности с универсалистской историко-культурной программой. В 19 в. в итоге деятельности нем. филологов Г. Узенера, Э. Роде, У. фон [Виламовиц-Мёллендорфа](#) и др. древняя история отделилась от Ф.; тогда же под влиянием [романтизма](#) и др. идейных течений, наряду

с «классической», возникла «новая Ф.»: германистика (бр. Я. и В. Гримм), славяноведение (А. Х. Востоков, В. Ганка), востоковедение. Однако наиболее наглядно универсальность Ф. реализовалась между эпохой Возрождения и сер. 19 в. в традиц. фигуре филолога-классика, специалиста по античным текстам, совмещавшего в себе лингвиста, критика, историка гражд. быта, нравов и культуры, знатока др. гуманитарных, а при случае даже естеств. наук – всего, что в принципе может понадобиться для прояснения того или иного текста.

Однако, несмотря на последующую неизбежную дифференциацию лингвистич., литературоведч., исторических и др. дисциплин, вышедших из лона некогда единой историко-филологич. науки, существенное единство Ф. как особого способа подходить к написанному слову и поныне сохраняет свою силу, хотя и в неявном виде. Иначе говоря, Ф. продолжает жить не как партикулярная «наука», по своему предмету отграниченная от истории, языкознания и литературоведения, а как науч. принцип, как самозаконная форма знания, которая определяется не столько границами предмета, сколько подходом к нему.

Конститутивные принципы Ф. вступают в весьма сложные отношения с некоторыми тенденциями Новейшего времени. Совр. человек не может с прежней безусловностью применить к своему бытию меру, заданную какими бы то ни было чтимыми древними текстами. И сама Ф., став в ходе науч. прогресса более экстенсивной и демократичной, должна была отказаться от выделения особо привилегированных текстов: теперь вместо двух (классич. Ф. и библейской *philologia sacra*, «священной» Ф.) существует столько разновидностей Ф., сколько языково-письм. регионов мира.

Новые возможности, в т. ч. и для гуманитарных наук, связаны с исследованиями на уровне «макроструктур» и «микроструктур»: на одном полюсе – глобальные обобщения, на другом – выделение миним. единиц значений и смысла. Но традиц. архитектура Ф., ориентированная на реальность целостного текста и тем самым как бы на человеческую мерку (как античная архитектура была ориентирована на пропорции человеческого тела), сопротивляется таким тенденциям, сколь бы плодотворными они ни обещали быть.

Для современности характерны устремления к формализации гуманитарного знания

по образу и подобию математического и надежды на то, что в результате не останется места для произвола и субъективности в анализе. Но в традиц. структуре Ф., при всей строгости её приёмов и трезвости её рабочей атмосферы, присутствует нечто, упорно противящееся подобным попыткам. Речь идёт о формах и средствах знания, достаточно инородных по отношению к т. н. научности, – даже не об интуиции, а о «житейской мудрости», здравом смысле, знании людей, без чего невозможно то искусство понимать сказанное и написанное, каковым является Ф. Математически точные методы возможны лишь в периферийных областях Ф. и не затрагивают её сущности. Филолог, разумеется, не имеет права на культивирование субъективности, но он не может и оградить себя заранее от риска субъективности надёжной стеной точных методов. Строгость и особая «точность» Ф. состоят в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Как служба понимания Ф. помогает выполнению одной из главных человеческих задач – понять др. человека (и др. культуру, др. эпоху), не превращая его ни в «исчислимую» вещь, ни в отражение собств. эмоций.